

Ю. У. Сафаралеева

*Филиал Тюменского государственного нефтегазового университета в Нефтеюганске,
г. Нефтеюганск*

Роль ислама в духовном просвещении сибирских татар

The Role of Islam in Spiritual Education of the Siberian Tatars

УДК 93/99+37

Аннотация: В статье рассматривается роль ислама в духовном просвещении сибирских татар на рубеже XIX-XX вв. Сибирские татары – это коренной народ Сибири. Социокультурное развитие исследуемой территории переплеталось традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно, и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения.

Summary: There is the role in spiritual education of the Siberian Tatars on a boundary of 19-20 century. Siberian tatars are the radical people of Siberia. Socialcultural development of investigated territory intertwined traditions and Islam ceremonies. The administrative-public, cultural-educational processes passed in a close connection with clergy. Undoubtedly, and that the reference of attention on is moral-ethical aspect lives played an important role, in particular education of young generation.

Ключевые слова: сибирские татары, ислам, муллы, мечеть, имам, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание.

Key words: Siberian tatars, Islam, mullahs, mosque, imam, the Orenburg Mohammedan Spiritual Meeting.

Россия – многонациональное государство. Исторический опыт показывает, что любое многонациональное государство, с одной стороны, может оставаться сильным лишь при условии сохранения разнообразия традиций и индивидуальности культур народов, населяющих его, с другой стороны, необходим обмен культурных традиций, взаимосвязь и сотрудничество народов России на принципах равенства, добровольности и взаимопонимания.

Гармонизация этнической жизни, этнические взаимоотношения и взаимосвязи являются весьма важными в жизнедеятельности современных государств и народов, а культурно – просветительные проблемы не утратили своей актуальности и сейчас.

В последние два десятилетия у сибирских татар, как и у многих других народов России, возрос интерес к своей истории, культуре и языку.

Сибирские татары – это коренной народ Сибири. За столетия сибирскими татарами накоплено ценнейшее историческое наследие, главными компонентами которого являются язык, национальные обряды, обычаи, традиции, фольклор и т. д. Осознание сибирскими татарами своей культурной самобытности, стремление к возрождению, сохранению и развитию национальной культуры, привели в 1991 году к включению их в реестр народов Сибири и России. Сибирские татары прошли большой и сложный путь многовекового развития. Их культура и просвещение – это неотъемлемая составная часть татарской истории и общероссийской истории.

Незнание истоков социокультурного развития и исторического опыта образования конкретного народа часто приводит к негативным последствиям.

В этой связи остро встает проблема освещения культурно-просветительных процессов, происходивших у сибирских татар. Тема актуальна с исторической точки зрения как региональная проблема. Модернизация образовательных процессов, происходящих сегодня в Западной Сибири, решение межнациональных вопросов на данной полиэтнической территории

требуют новых исследований. Обращение к многовековому духовному опыту народа поможет правильно оценить современную ситуацию в разных ее направлениях и проявлениях.

Актуальность и значимость темы определяется и тем, что история становления и развития культурного процесса воздействует на современные проблемы в обучении, воспитании в национальной школе, определяет ее стратегию развития образования и просвещения.

Наряду с общемировыми ценностями каждому обществу, общественно-государственному строю присущи свои ценности. Приоритет тех или иных ценностей зависит от нравственно-духовного, социально-экономического уровня развития общества.

Ислам – не только определенное религиозно-этическое учение. Он – особая культура, цивилизация, образ жизни. Формирование такого образа жизни, регулирование различных ее сторон осуществляются шариатом – сводом предписаний, узаконений. Шариат (шариа) – это тщательно разработанный кодекс поведения, канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношение мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку, в частности. Таким образом, шариат, это мусульманское законоведение, иначе говоря, мусульманское право, основными источниками которого являются Коран, сунна, иджма, кияс, тафсир и урф ва адат. Мусульманское право, в отличие от других правовых систем, не есть самостоятельная отрасль науки. Оно, вплоть до мельчайших деталей, – неотъемлемая часть религии ислама [1, 92,100]. Мусульмане в жизни руководствовались положениями, содержащимися в Коране, главной священной книге мусульман, представляющей собой собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, заклиний, молитв, назидательных рассказов и притч Мухаммеда. Приняв ислам, татары усвоили основы мусульманского правоведения (фикх), свода мусульманского права.

Через ислам сибирские татары приобщились к нормам мусульманского права и нравственности, содержащиеся в шариате, освоили общие правила и заповеди верующих, изучали арабский и персидский языки, знакомились с восточной культурой. Благодаря исламу среди сибирских татар распространилась литература духовного и светского содержания крупнейших писателей, ученых Средней Азии [2, 172].

Ислам для татар представлял собой не только религию, но и культурно-моральный кодекс, по правилам которого воспитывался народ, тщательно охраняя свой язык, культуру, быт, обычаи и привычки от постороннего влияния. Ислам учит людей: пресекать все плохое, не надсмехаться над людьми, никого не оскорблять, бороться со злом. По Корану все люди равны, добрый человек заслуживает уважения, и что добросовестное отношение к своему делу – самое хорошее качество человека.

К числу неизменных указаний пророка, имеющих отношение к воспитанию, относятся такие слова: «Не относится к нам тот, кто не жалеет малых среди нас и не признает прав старых». «Лучшим динаром, считается динар, которой он потратит на своих детей ...» [3, 31].

Религия, жизнь, разум, собственность и продолжение потомства являются основными ценностями жизни по исламу.

Одно из важнейших требований ислама – это то, что мусульманин должен учиться, накапливать знания. Сегодня многие ученые-исламоведы рассматривают ислам как цельное учение о смысле земного существования человека. При этом роль образования в его жизни в контексте этого учения представлена очень широко. Достаточно сказать, что в Коране более 700 раз можно встретить сюжеты, связанные с наукой и образованием. В Священном Коране говорится: «Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал» (сура «Сгусток», аят 3). Образование человека во многом определяет его поведение: «Всякая душа – заложница того, что она приобрела» (сура «Завернувшийся», аят 41) [4, 34].

Анализ архивных материалов показал, что по шариату мектебе и медресе служили местом для религиозно-нравственного, просветительского воспитания и для приобретения других знаний. Так как хадис пророка Мухаммеда гласит: «За знаниями не ленитесь идти даже в далекий Китай, потому что приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульмани-

на» [5, 23]. Рассмотрим некоторые изречения, которые были составлены во время совещания в Оренбургском муфтиате о целях и задачах мусульманских школ. Из книги Мишкаты: «Если кто приходит в мою мечеть с тем, чтобы научиться доброму, благому делу, или учить к тому других, такой человек причисляется к числу трудящихся на Божьем пути» [6]. (Из книги Бухари и Мишкаты).

В главе об Учении: «за получением основоположных религиозных познаний будут являться к вам разные группы людей, и вы как скоро они явятся, наставляйте их творить благие добрые дела» [7]. Из хадиса в книге Мишкаты пророк сказал: «Для того чтобы хранить родственную нить необходимо знать генеалогию». Коран, глава 9, стих 122: в шариате имеются указания на патриотизм, преданность, любовь и верное служение к отечеству, поэтому изучение русской отечественной истории полезное и нужное дело [8]. Одна из важнейших задач религии состоит в том, чтобы помочь человеку выработать в себе высокие нравственные качества и научить его поддерживать добрые взаимоотношения с людьми, и задача эта столь важна, что пророк даже говорил: «Поистине, был я направлен к людям для того, чтобы довести благонравие до совершенства». Этот хадис приводит Аль-Бухари [9, 23].

Яркое проявление исламской конфессионально-культурной традиции среди татар – бытующая практика проведения семейно-бытовых обрядов и праздников. Этническую жизнь просто невозможно представить без исполнения таких мусульманских обрядов, как «корьян уку» – чтение корана, «дога кылу» – чтение молитв, «садака оляшу» – раздача подаяния. Они являлись стержнем таких событий, как свадебное торжество, наречение имени, похоронно-поминальный комплекс и др.

Религиозный обряд, оформляющий рождение, носит название «исем кушу» – имянаречение. Он очень прост: в присутствии нескольких мужчин над ребенком читается одна из сур корана – Азан и произносится его имя, затем проводится угощение.

Сибирские татары отмечали религиозные праздники – «уразу-байрам» в честь окончания мусульманского поста и спустя 70 дней после него – курбан-байрам. В дни Курбан гагете совершали жертвоприношение – корбан чалу, по религиозному называют – гает [10, 375], по правилам, четко разработанным в исламе. Мясом жертвенного животного старались угостить как можно больше людей.

По обычаю татар-мусульман только после прочтения муллоу молитвы никаха и соответствующей записи в метрической книге брак считался совершенным: жених получал право посещать невесту на правах мужа [11, 138].

Таким образом, жизнь татар Прииртышья переплеталась мусульманскими традициями и соответственно влияла на образ жизни.

Во второй половине XIX – начале XX вв. татарское население регулярно читало книги духовного и светского содержания, публицистику на татарском языке, поступавшие из Казани, Оренбурга, Петербурга. Особой популярностью среди сибирских татар пользовались произведения таких прогрессивных ученых-просветителей, публицистов, как Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахрутдинов, Рашид Ибрагимов и др. [11, 173].

Татарский просветитель XIX в. Каюм Насыри в своей замечательной «Книге о воспитании», состоящей из 113 наставлений о нравственном совершенстве человека, отмечал, что знания, полученные в детстве, подобны орнаменту, выбитому на камне.

Было не забыто и ремесло, о котором Саади говорил: «Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживает доверия богатство и мирское добро... Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, – не беда, ибо ремесло в его душе – богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение..., а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения». Общеизвестны имена Ибн-Сины, Улугбека, Аль-Фараби и многих других мусульманских ученых, труды которых вошли в мировую сокровищницу знаний. Свой вклад исламский мир внес и в воспитание, считавшееся важнейшим делом родителей, общества, государства. Недаром во всех низших образовательных исламских заведениях первейшее внимание уделялось именно вопросам нравственного характера.

В документе «О магометанских учебных заведениях» за 1913 год было отмечено, что «татарские школы существуют давно, имеют свои традиции, вполне своеобразны, чисто народные, направлены в исключительно религиозно-нравственном духе; ученые муллы, заведующие медресами и их шакирды, составляют гордость населения; мударрисы, муллы и учителя мугаллимы проникнуты идеей святости своих педагогических трудов, ибо учат они во имя Бога, во имя распространения и укрепления Ислама, по предписанию шариата – безвозмездно» [12].

Для общего развития и нравственного воспитания в мектебе и медресе большое значение имели произведения древних писателей, таких как Кыйссасел-энбия» (Сказание о великих и пророках), которая была написана в 1311 году на основе сюжетов Корана и состояла из полурелигиозных, полуфольклорных и мифологических рассказов. Основной упор книга делала на гуманизм и нравственность. Одним из главных учебников мектебе и медресе была поэма Кул Али «Кыйссан-Йусуф» («Сказание и Йусуфе»). Это были художественные произведения, в которых описывались жизнь, быт и практическая мудрость людей той эпохи, затрагивались нравственные ценности: милосердие, справедливость, доброта, щедрость и т. д. [13, 130].

Мусульманская религия играла важную роль в жизни татар исследуемого региона. В пореформенный период как у татар Поволжья и Приуралья, так и в Сибири ислам продолжал укреплять свои позиции.

Мусульманское духовенство у татар было представлено при соборных мечетях хатыпами или муллами, имамами и муэдзинами, при простых мечетях – имамами и муэдзинами [14, 148]. Духовная организация мусульман Западной Сибири находилась в подчинении Оренбургского духовного магометанского собрания [15, 142].

Оренбургское магометанское духовное собрание (Уфимское духовное магометанское закона собрание, с 1796 г. – Оренбургское, с 1846 года – ОМДС) – государственно-религиозное учреждение, созданное по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Открытие состоялось 4 декабря 1789 г. в Уфе. В 1796-1802 гг. находилось в Оренбурге. ОМДС было учреждено с целью контроля над мусульманским духовенством и дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении государственной политики среди мусульманского населения. Это был коллегиальный орган, деятельностью которого руководили председатель (муфтий) и три заседателя (кадии).

Важнейшим направлением деятельности ОМДС являлся разбор дел, связанных с семейно-брачным и имущественным правом мусульман. В компетенции ОМДС находились вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов у кандидатов на религиозные и учительские должности [16, 84-85]. С целью усиления контроля мусульманскими школами в 1874 г. они были переданы в ведение Министерства народного просвещения (до этого они числились за Министерством внутренних дел) [17].

Муллы пользовались большим авторитетом у населения и выделялись среди однообщественников образованностью. Приходской мулла исполнял не только конфессиональные, но и гражданские обязанности: вел метрические книги о рождении, браке, разводах и смерти прихожан. В исследуемое время татарская община участвовала в решении вопросов религиозной жизни, и духовные лица принимали участие в делах общины. Мечети у сибирских татар строились на общественные средства [18].

Кандидат на должность муллы проходил обязательную аттестацию в духовном управлении по истории ислама, шариату, знанию Корана, мусульманской юриспруденции, хадисов пророка Мухаммеда [19]. В 1896 году Мухаметсаке Абубакирову Юмашеву было «ученено испытание в знании правил магометанской религии, по которому оказался быть способным имам хатыпом и мудариссом» [20]. Данное удостоверение еще не давало право начать деятельность в мечети, «это свидетельство, с тем, что оно, показывал о его познаниях, не предоставляет ему право исправлять духовные требы впредь до утверждения его в духовном звании губернским начальством в приходе, в которой будет выбран» [21]. По уровню образования ему присваивали звания «имам» (возглавляющий намаз), «имам-хатыб» (кроме того,

умеющий читать хутбу-проповедь) или «имам-хатыб-мударрис» (дополнительно имеющий право преподавать в медресе).

Кроме этого, кандидат на должность муллы должен был сдать экзамен по русскому языку [22]. После сдачи экзамена он получал документ-свидетельство от Тобольского уездного училища за подписью председателя комиссии и учителей: «выдано Мухамет – Саки Абубакирову Юмашеву инородцу юрт Подъемных инородной волости оброчных чувальщиков Тобольского округа в удостоверение того, что он успешно выдержал испытание в знание русского языка, установленное для кандидата на должность сельского муллы» [23]. Губернское управление направляло утверждение в должности муллы в полицейское управление, где назначенный мулла должен был дать присягу «на верность службы» [24].

Проникновение ислама сопровождалось распространением в крае, как и везде, религиозной школы и ее атрибутов – письменности на основе арабской графики, книжной грамоты. Без них религиозное учение не могло пробивать себе дорогу в массы. Старое руническое письмо было заменено арабским.

Это были начальные школы при мечетях (мектебе) и средние школы (медресе), которые начинают открываться приблизительно с середины XVI века. Учителями в них в начале были муллы из бухарцев, а позднее получившие духовное образование представители сибирских и казанских татар.

Анализ источников дает весьма противоречивые статистические данные о количестве существовавших мектебах и медресе.

В Тобольской губернии в 1860 году существовало 149 мечетей, в том числе 7 в городах и 142 в округах [25, 115]. По данным памятной книжки для Тобольской губернии за 1864 год, «магометанских мечетей считалось в 1862г. в губернии 139 (6 каменных и 133 деревянных), из них 7 (4 каменных и 3 деревянных) находились в городах, а 132 (2 кам. и 130 дер.) в округах губернии. Здесь же дана была характеристика, что в г. Петропавловске 4 мечети (2 каменные и 2 деревянные), в Таре – 1 каменная, в Омске – 1 каменная, в Тобольске – 1 деревянная [26, 363]. Наибольшее число мечетей в Тобольском округе 51 – 1 каменная мечеть и 50 деревянных, затем 36 (1 каменная и 35 деревянных) в Тарском; 30 деревянных – Тюменском, 15 деревянных – Ялуторовском и 1 в Ишимском [26].

Г. Л. Файзрахманов пишет, что в 1868-69 годах мечетей было 150 [27, 369].

В источниках совсем не указывались по отдельности количество мектебе и медресе, а давалась их суммарная численность.

По материалам «Памятной книжки Тобольской губернии за 1912 год», в городе Тобольске имамом мечети был Бекшенев Абусагит, в городе Кургане – мулла Гидсатуллин Ахмет-Валеев, в городе Таре – Инояттов Изатулла, в городе Тюмени – Габитов Салим-Гирей-Хайретдинов [28, 55].

Г. Т. Бакиева отмечает, что при постройке мечети нужно было соблюдать следующие условия: 1) чтобы прихожан при мечети было не менее 200 душ мужского пола; 2) чтобы в общественном приговоре прихожане изъявили бы согласие на содержание мечети и духовенства при ней [29, 369].

В «Памятной книжке Тобольской губернии» за 1864 год приводятся следующие данные: «по числу магометанского населения в губернии причитается 1 мечеть на 366 человек обоего пола или в городах 1 мечеть на 575 человек обоего пола и в округах 1 мечеть на 338 человек обоего пола» [26, 363]. По положению Государственного Совета от 15 декабря 1886 года, строительство мечетей допускалось при наличии 200 д. м. п. молитвенные здания возводились без всяких ограничений [30, 15].

В материалах Оренбургского духовного собрания есть свидетельства прошения татарами о постройке мечети в ю. Индерских в 1903 году, где духовное собрание требует отчет о численности мужского пола [30]. Для получения разрешения построить мечеть, приход и духовенство обращались в Губернское Управление [36]. Губернское Управление, в свою очередь, обращалось в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание: «на основании 154 ст. Уст. Строит., изд. 1900 имеет честь препроводить при семь на распоряжение магометанского

Духовного Собрания переписку по ходатайству инородцев юрт Индерских, Истяцкой Инородной волости, Тобольского уезда о разделении прихода юрт Истяцких на два, с образованием особого прихода из юрт Индерских и о постройке в этих юртах мечети» [30]. Магометанское Духовное Собрание требовало отправить количественные данные: «в самом непродолжительном времени доставить именные списки с показанием числа наличных мужского пола душ отдельно по юртам Бегитинским, Индерским и Истяцким» [30].

В ноябре 1903 года было сообщено, что «при Бегитинской соборной мечети Тобольского уезда приходными деревнями состоят юрты Индерская и Иштыкская – общее число душ мужского пола 459» [31]. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание требовало «именных списков прихожан с показанием числа о наличии мужского пола душ, как желающих образовать в юртах Индерских новый приход, так и остающихся при старом приходе мечети при юртах Бегитинских» [32].

13 сентября 1904 года Губернское Управление уведомяло, что «от 10 сентября инородец юрт Индерских, Истяцкой инородной волости, Тобольского уезда Габдул Ахмат Рафиков утвержден муллой вновь образованного прихода соборной мечети юрт Индерских, Истяцкой инородной волости, Тобольского уезда» [33]. Тобольское Губернское Управление не сообщило о постройке мечети в ю. Индерских в Духовное Собрание. В результате постройка мечети и назначение муллой Абдул Ахмата Рафикова были решены Тобольским Губернским Управлением. Таким образом, строительство новых мечетей допускалось по представлениям от приходов и духовенства Оренбургскому духовному собранию с утверждения Губернского правления о необходимости построения новой мечети.

Кроме духовных организаций, в исследуемый период существовали и другие, например, «Благотворительные и другие общества и учреждения» – это общество прогрессистов в городе Тобольске, которое своей деятельностью затрагивало вопросы культуры и просвещения народа. Оно было создано в мае 1907 года. Учредителями были Б. Ш. Кульмаметьев, Т. С. Айтмухаметов, В. М. Халилов, Х. М. Бакиев. Основная его цель заключалась в содействии развитию мусульманских заведений и татарской периодической печати. В 1912 году Тобольском обществе мусульман-прогрессистов председателем был Темиров Султан Абдулла, товарищем председателя Айтмухаметов Мухамет – Карым Тахтасынович, казначеем – Айтмухаметов Тахтасын Сафарович (бухарец), секретарем – Кульмаметьев Басыр Шах-Ахметович (потомственный дворянин) [34, 57]. Тобольское мусульманское общество прогрессистов 1913 году работало в количестве 53 человек. Денежная сумма на счете общества составляла 2246 рублей 47 копеек [36]. В августе 1914 года общество прекратило свое существование.

В начале XX века торговля, коммерческая деятельность татар, принимавшая предпринимательский характер, поднимается на качественно новую ступень. Расширяются размах, география торговых операций. На уровне уездов, волостей, даже селений создаются всевозможные товарищества, торговые сообщества самых различных видов. Потребительские и кредитные товарищества выводили сельских богатеев на передовые рубежи коммерческо-предпринимательской деятельности [37, 93-94].

Так, в Тобольском уезде в начале XX века существовали кредитные товарищества [36]. Тоболтуринское кредитное товарищество в юртах Тоболтуринские: Искандеров Шарып (председатель правления), Абдульчалилов Сульбукар (казначей), Такстулатов Аптукар (член правления), Рахимгулов Мухаметъяр (председатель Совета), Аппасов Сеит (член совета), Мухамет-Аминов Мухамет Салих (член совета), Смирнов Степан Меркурьевич (старший писарь, счетовод). Вагайское кредитное товарищество в юртах Вагайские: Якупов Нигматулла (председатель правления), Бикбулатов Аптуль-Кабир (казначей), Сеитов Аптулмут (член правления), Юнусов Муфтахетдинов (председатель Совета), Неогманов Аптулла (член Совета), Каримов Аптулькабир Мухамет (член совета), Добродеев Дмитрий Александрович (потомственный почетный гражданин, счетовод). Тобольское кредитное товарищество в городе Тобольске: Бекшенев Альмухамет (председатель правления), Сайфуллин Тахватулла (член

правления), Реимгулов Сетик (председатель Совета), Нурмухаметов Басыл (член совета), Авазбакиев Аптулкаир (член совета), Шеметкин Петр Александрович (счетовод).

Крупные купцы, занимавшиеся обширной торговлей в масштабах страны, были Сейдуковы (село Ембаево, Тюменский уезд), Айтикины (Тара), Ченбаевы (Тобольск).

В начале XX столетия возникает ряд новых торговых домов, например, «Торговый дом Ченбаевых, имевшего большой опыт финансовых операций (основан в 1875 г., Тобольск) [39, 89]. Возглавляемый братьями Мухаммедсафаром и Худжатом Ченбаевыми торговый дом (магазины и крупные торговые склады, которые находились в Тобольске и Сургуте) имел выход на широкие российские просторы и даже заграничный рынок. Мухаммедсафар Ченбаев являлся членом учетно-ссудных комитетов по торгово-промышленным кредитам Тобольского отделения Банка. Ченбаев М. (год рожд. 1859) «магометанским образованием состоял на службе в ведомстве с 1901 года, а в должности – с 1911 г.» [40]. Брат Мухаммедсафара Ченбаева Худжатулла закончил гимназию. В 1911-17 гг. он перевел с русского на татарский и опубликовал в Казани и Оренбурге ряд популярных брошюр: «Кто изобрел паровую машину», «Невидимые враги и друзья», «История наук, просвещения, ремесл и изобретений», «Что изобрел Вениамин Франклин и Гальвани», «Кто придумал занятие фотографией» [41, 120].

Интенсивное развитие торговли и торгово-предпринимательской деятельности стимулировало развитие купечества, определяло его возрастающую роль в экономической и социальной жизни общества. Так, предприимчивые купцы Сейдуковы с самого начала своей торговой деятельности проникали в дальние азиатские регионы, даже в Китай, откуда привозили чай, пряности (Китай), ковры, шерстяные и шелковые ткани, сушеные фрукты (Средняя Азия), которыми торговали на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Семипалатинске, Петропавловске и других городах [42,86]. Сейдуковы, как меценаты, играли большую роль в просвещении сибирских татар. Например, Нигматулла Сейдуков построил на свои средства 15 мечетей, 50 мектебов и медресе, содержал их, нанимал учителей. Он построил в Ембаево библиотеку и купил 2200 книг, рукописей и т. д. [43, 1].

Духовенство активно участвовало в социальной жизни общества. Например, в 1896 году указной имам Тюменского округа Кашегальской волости, юрт Тарманских, Абдуллин Абдулла Вахитов просил разрешить Тобольское губернское правление отпустить его в г. Нижний Новгород: «желаю в будущем июль месяце отправиться на Всероссийскую художественную и промышленную выставку с научной целью и для приобретения там необходимых для науки книг и сведений, я покорнейше прошу...» [44].

Уровень экономического развития края, характеризующийся ростом капиталистического производства, вовлечением во Всероссийский рынок, стал одним из условий дальнейшего развития образования.

Административные функции на местах тесно переплетались с деятельностью местного мусульманского духовенства. При рассмотрении многих гражданских дел волостные старшины и сельские старосты часто прибегали, пользуясь своим авторитетом, к помощи приходских мулл (махалля мулласы). Дела, связанные с нарушением установлений ислама (вероотступничество, богохульство, поношение Корана), бракоразводные дела, о разделе имущества и некоторые другие, почти полностью находились в компетенции духовенства. Регистрация актов гражданского состояния в метрических книгах: рождения, брака, развода, смерти были в компетенции приходских мулл [45].

Ислам, как часть духовной культуры мусульманских народов, сформировал особую социокультурную среду, определяя образ жизни в целом, менталитет формирующейся в начале века татарской нации. Ислам испытывал притеснения как религия инородцев, при этом национальное и религиозное практически не разделялось. Конфессиональная принадлежность определила существование на всей территории России единого тюрко-мусульманского ареала, в который входили и сибирские татары. Многовековые исторические связи тюркских народов, близость языка, единая религия, общность политического положения сформировали единую культурную и образовательную тюрко-мусульманскую среду [46, 65].

Таким образом, в исследуемый период мусульманская религия играла важную роль в жизни татар Прииртышья. Сибирские татары, как последователи ислама суннитского толка, называли себя мусульманами. Социокультурное развитие исследуемой территории переплеталось традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения. Главной священной книгой его являлся Коран, как источник знания, духовности, нравственности, культурных основ. Коран, как основа религиозно-нравственного воспитания, играл ведущую просветительскую роль с раннего возраста ребенка, так как этому способствовала семья, общество, мечеть, мусульманские учебные заведения как традиционная образовательная система татар в Сибири.

Литература

1. Боронбеков. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. 2003. №2. С. 92, 100.
2. Валеев Ф. Т. Указ. соч. Казань, 1993. С. 172.
3. Прохоров А. П. Ислам. Правила общежития // Преподавание истории в школе. 2004. № 1. С. 31.
4. Харисова Л. А. Ислам: воспитание и образование // Педагогика. 2001. № 8. С. 34.
5. Ислам и мусульмане: 40 вопросов об исламе. М., 1999. С. 23.
6. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 36.
7. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 36.
8. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 1а. – Д. 20. – Л. 43 об.
9. Программа по изучению шариатских наук. М., 2000. С. 23
10. Татары. М.: Наука, 2001. С. 375.
11. Валеев Ф. Т. Указ. Соч. Казань, 1993. С. 138.
12. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5482. – Л. 92, 92об.
13. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. С. 130.
14. Бакиева Г. Т. Указ. Соч. Тюмень-Москва, 2003. С. 148.
15. ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп.4. – Д. 4238, 4232, 4600; Томилов Н. А.. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. С. 142.
16. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. С. М. Прозоров; ред. Л. В. Посувалюк. М: Восточная литература, РАН, 2001. Вып. 3 С. 84-85.
17. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5482. – Л. 91.
18. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 459; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 11. – Д. 622. – Л. 79.
19. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 6, 8, 33; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 4. – Д. 5650. – Л. 1, 2.
20. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 5.
21. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 5.
22. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 20-21.
23. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 6.
24. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 35. – Д. 578. – Л. 18.
25. Юшков И. Указ. соч. 1861. № 35-45. С. 115.
26. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С. 363.
27. Файзрахманов Г. Л. Указ. соч. Казань, 2002. С. 369.
28. Памятная книжка Тобольской губернии 1912 г. Тобольск, 1912. С. 55.
29. Бакиева Г. Т. Указ. соч. Тюмень – Москва, 2003. С. 151; Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. Казань, 2002. С. 369.
30. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 2.
31. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 3.
32. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 7.
33. ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп. 6. – Д. 585. – Л. 13.
34. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1912год. Тобольск, 1912. С. 57.

35. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1998. – С. 578.
36. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 29.
37. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 93-94.
38. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 506. – ЛЛ. 78, 78 об, 79, 79 об.
39. Валеев Ф.Т. Указ. соч. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1993. – С. 89; Амирханов Р.У. Указ. соч. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 97.
40. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп.1. – Д. 506. – Л. 67.
41. Вольхина М.Г. Указ.соч. – Новосибирск, 1997. – С. 120.
42. Валеев Ф.Т. Указ соч. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1993. – С. 86.
43. Рахимова А.Р. История юрт Ембаевских // Янарыш. – 1997. – 16 мая. – С. 1.
44. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф.152. – Оп. 35. – Д. 574. – Л. 9.
45. Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. – Казань, 2002. – С. 417; ЦГИА РБ. – Ф. И – 295. – Оп.8. – Д. 479. – Л. 1об, 2; – Оп.6. – Д. 40. – Л. 5; – Д. 48. – Л. 5, 6.
46. Тычинских З.А. Исламские традиции в просвещении татар Сибири / З.А. Тычинских // Образование и культура Тюменского края в XVIII–XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. – Тобольск, 1998. – С. 65.